

УДК 14

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА В РАЗЛИЧНЫХ ФИЛОСОФСКИХ СИСТЕМАХ

*Окончание. Начало в предыдущем выпуске***Сулейманов Тимур Фуатович***кандидат философских наук,**заведующий кафедрой социально-гуманитарных и экономических дисциплин**Уфимский филиал Московской государственной академии водного транспорта**450017, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Ахметова, 275**e-mail: suleimanov1957@mail.ru*

Автор обращается к проблеме творчества как форме самореализации личности и в соответствии с поставленной проблематикой рассматривает историко-философский аспект темы. В статье рассматривается философия творчества Н.А. Бердяева. Показано, что продолжение творения силами человека (теургия) у Бердяева рассматривается в контексте свободы, которая понимается как основа бытия. Всякий творческий акт, по Бердяеву, есть акт конца мира и начала нового преображенного мира одновременно. *Ключевые слова:* личность; деятельность; творчество; самореализация; преобразование природы человека; духовный потенциал.

В социально-философской мысли проблема творчества также нашла должное внимание в работах отечественных мыслителей, прежде всего в трудах великого русского мыслителя Н.А. Бердяева.

В первом томе своей «Истории русской философии», характеризуя русскую философию, В.В. Зеньковский на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий: «...она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [7, с. 18].

В центре творчества Н.А. Бердяева (1874–1948), одного из видных религиозных философов XX в., стоит проблема человека, человеческого, многие аспекты человеческой бытийственности. «Трудно отыскать в истории философии мыслителя, который так напряженно и с такой остротой переживал бы последние, предельные вопросы человеческого существования», — отмечает современный исследователь его творчества [6, с. 3]. «В центре моего философского творчества находится проблема человека. Поэтому вся моя философия в высшей степени антропологична. Поставить проблему человека — это значит в то же время поставить проблему свободы, творчества, личности, духа и истории», — писал религиозный мыслитель [1, с. 19].

Данные темы, а вместе и ними и вся социальная проблематика освещаются Бердяевым с позиций разработанной им оригинальной философ-

ской концепции христианского персонализма. Отмечая экзистенциалистический и эсхатологический характер своей философии, Бердяев писал: «Я верю лишь в метод экзистенциально-антропоцентрический и духовно-религиозный» [5, с. 5].

Крупный историк философии, профессор Лондонского университета Фредерик Чарльз Коплстон в своей «Истории философии. XX век» отмечал: «...следует упомянуть русского философа Николая Бердяева, который считает себя истинным экзистенциалистом, провозглашая не только, что “дух есть свобода”, но также и то, что “вне христианства нет свободы и царит детерминизм”. Для Бердяева свобода не является естественной для человека, она есть нечто, чего нужно добиться, и добиться ее можно, только вступив в порядок бытия, высший по отношению к естественному порядку» [8, с. 143].

С этих позиций во всей социальной философии Бердяева звучит и тема творчества. Необходимо еще раз подчеркнуть, что эта тема освещается им с точки зрения «христианского персонализма (от лат. *persona* — личность), теистического направления современной философии, признающего личность первичной творческой реальностью и высшей духовной ценностью, а весь мир проявлением творческой активности верховной личности — бога» [11, с. 472–473].

Взгляды Бердяева в течение жизни претерпели значительную эволюцию. В молодые годы он находился под влиянием марксизма и за пропаганду социализма был сослан в Вологодскую губернию. Затем он переходит на религиозные позиции и вместе с Д.С. Мережковским, В.В. Розановым и др. становится одним из активных участников русского общественно-религиозного движения начала XX в. Но и после отхода от марксизма Бердяев продолжал признавать «правду социализма» в своей христианско-персоналистической интерпретации. Этих позиций он придерживался и в эмиграции после высылки из страны в 1922 г. вместе с большой группой деятелей русской культуры по указанию главы большевистского правительства В.И. Ленина. До 1924 г. Бердяев жил в Берлине, затем переехал в Париж, где прожил до конца своих дней.

Отмечая в себе противоречивое сочетание «аристократического понимания личности, свободы и творчества и социалистического требования утверждения достоинства каждого человека», Бердяев писал: «Мне одинаково близки Ницше и Лев Толстой. Я очень ценю К. Маркса, но также Ж. де Местра и К. Леонтьева, мне близок и мною любим Я. Беме, но также близок Кант» [3, с. 5].

К 1912 г. ориентация Бердяева на православную церковь исчерпывает себя, и он обращается к средневековой германской мистике (Мейстер Эккхарт, Ангелус Силезиус, Якоб Беме), в которой находит основание для своего учения об «антроподицее» в творчестве и через творчество. В феврале 1914 г. Бердяев закончил книгу «Смысл творчества: Опыт оправдания человека», обозначившую переломный этап в его философской биографии. Именно в ней Бердяев впервые заявил себя как оригинальным мыслителем. Оригинальность мыслителя чувствуется и в стиле его изложения: «В литературной манере Бердяева есть некоторые трудности, часто читателю трудно уловить, отчего данная фраза следует за предыдущей: порой кажется, что отдельные фразы можно было бы легко передвигать с места на место, настолько неясной остается связь двух рядом стоящих фраз» [7, с. 343].

Оригинальность философии Бердяева обусловлена отказом от «теодицеи» как традиционной проблемы христианского сознания, отказом признать завершенность творения и откровения. Человек решительно поставлен Бердяевым в центр бытия, первичность которого, описываемая в категориях статичной трансцендентной онтологии, была радикально оспорена.

Центральным положением «смысла творчества» стала идея откровения человека в ходе совме-

стного с Богом продолжаемого творения (теургии). Здесь безусловна перекличка с учением о «Богочеловечестве» Вл. Соловьева и темой «активного апокалипсиса» Н.Ф. Федорова [10, с. 56]. Но своеобразие Бердяева выражается в том, что его «теургия» включает аспект «свободы», оставленный без внимания его предшественниками.

Творчество, по Бердяеву, есть способ позитивного самоопределения «свободы» не как выбора и самоопределения личности в мире, а как «безосновной основы бытия», над которой не властен Бог-творец.

Современное понимание творчества как высшей формы активности и ключевой деятельности человека, создающей новые материальные и духовные ценности, расширяющей и преобразующей среду его обитания; способности к созданию новых реальностей и одновременно к самосозданию имело у Бердяева иной смысл. Наиболее полно природу творчества, и именно с позиций своей христианско-персоналистической философии, он представил в сочинении — «Смысл творчества: Опыт оправдания человека», которая «имеет уже задачи систематические» [7, с. 342]. «В жизненном источнике этой книги и этой религиозной философии заложено совершенно исключительное, царственное чувствование *человека*, религиозное осознание Антропоса как Божественного Лика... Много писали оправданий Бога, теодицей. Но наступает пора писать *оправдание человека — антроподицею*» [4, с. 24].

Отмечая персоналистский поход Бердяева к сущности творчества, С.Н. Малявин отмечает: «Философ пишет о персонализме, как о качестве, противоположном индивидуализму, который естественен и банален. Реализуясь в обществе, индивидуализм наделяет своим содержанием большинство людей, делая их эффективными производителями. Однако как принцип он лишен творчества и заботится только о воспроизводстве. Индивиды лишь воспроизводят себе подобных и редуцируют общественные отношения, тогда как личности творят и персонифицируют. Все приведенные факты восхождения мировой истории связаны непосредственно с персонализмом и личностями, утверждает Бердяев. Главное отличие личности от индивида в творческом акте первого. Творчество присуще творцу, впервые оно явилось в акте Творения. Личность продолжает творческий акт, руководствуясь исключительно божественным прецедентом, для нее не существует трафарета, всякое действие для нее ново» [9, с. 98–99].

Уже во «Введении» он приступает к анализу творчества с точки зрения рассмотрения духа че-

ловеческого. «Дух человеческий — в плену, — пишет мыслитель. — Плен этот я называю “миром”, мировой данностью, необходимостью» [4, с. 17]. «Мир» этот — не космос, это некосмическое состояние разобщенности и вражды, атомизация и распад живого. И истинный путь — это путь духовного освобождения от «мира», освобождение духа человеческого из плена необходимости. Это движение в духе, а не в «миру». Упадочному раздвоению мыслей и расслабленному равнодушию к добру и злу нужно решительно противопоставить мужественное освобождение духа и творческий почин. «Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены *творчеством* (курсив наш. — Т.С.)» [4, с. 18], — отмечает Бердяев. Творчество по существу есть выход, исход, победа. Путь творческий — жертвенный и страдательный, но он всегда есть освобождение от подавленности. Бердяев называл себя «сыном свободы», в другой книге подчеркивал: «Я основал свое дело на свободе» [5, с. 254].

По мысли Бердяева, творческая активность человека не имеет своего священного писания, пути ее не открыты свыше человеку. В деле творчества человек как бы предоставлен самому себе, оставлен с собой, не имеет прямой помощи свыше. И в этом, по его мнению, сказалась великая премудрость Божья. «Мы чувствуем *священный авторитет умолчания Евангелия о творчестве*, — отмечает Бердяев. — Божественно-премудро это абсолютное молчание священного писания о творчестве человека. И разгадка премудрого смысла этого молчания есть разгадка тайны о человеке, есть акт высшего самосознания человека. Лишь не достигший высшего самосознания человек ищет оправданий творчества в священном писании и священных указаний о путях творчества, т.е. хочет подчинить творчество закону и искуплению» [4, с. 89–90].

Антропологический смысл творчества раскрывается Бердяевым в следующем суждении. Если бы пути творчества были оправданы и указаны в Священном писании, то творчество было бы послушанием, т.е. не было бы творчеством. Понимать творчество как послушание последствиям греха, как исполнение закона или как искупление зла, т.е. как откровение ветхозаветное или откровение новозаветное, значит отвергать тайну творчества, значит не знать смысла творчества. То, что тайна творчества и пути его сокрыты в Священном писании, в этом — премудрый эзотеризм христианства. Тайна творчества по существу своему эзотерична, она не откровенна, она — сокровенна. Открываться свыше могут лишь закон и искупление, творчество — сокровывается. Открове-

ние творчества идет не сверху, а снизу, это — откровение антропологическое, не теологическое. «*И Бог ждет от человека антропологического откровения творчества*, — подчеркивает мыслитель, — *сокрыв от человека во имя богоподобной свободы его пути творчества и оправдание творчества*» [4, с. 90].

По мнению Бердяева, само творческое призвание человека не открывается принудительно ни в Ветхом, ни в Новом Завете. Творчество есть дело богоподобной свободы человека, раскрытие в нем образа Творца. «Творчество не в Отце и не в Сыне, — продолжает Бердяев, — а в Духе, и потому выходит из границ Ветхого и Нового завета. Где Дух, там и свобода, там и творчество. Творчество не связано со священством и не подчинено ему. Творчество — в духе пророческом... В духе раскрывается тайна творчества, в духе осознается природа человека, без писмен, без наставлений и указаний свыше. «*В творчестве снизу раскрывается божественное в человеке*, — отмечает он, — *от свободного почина самого человека, а не сверху*» [4, с. 91]. В творчестве сам человек раскрывает в себе образ и подобие Божье, обнаруживает вложенную в него божественную мощь. Так высока и прекрасна божественная идея человека, что творческая свобода, свободная мощь открывать себя в творчестве, заложена в человеке, как печать его богоподобия, как знак образа Творца. «*Принудительное откровение творчества, как закона, как наставления в пути, противоречило бы Божьей идее о свободе творца, отображающего Его божественную природу*» [4, с. 90–91], — пишет мыслитель.

Далее Бердяев более категоричен, утверждая, что если бы было откровение свыше о творчестве, откровение, запечатленное в священном писании, то не нужен и невозможен был бы свободный творческий подвиг человека.

Исходя из своего понимания свободы человека Бердяев подчеркивает: «*Человекоподобие Бога в единородном сыне и есть уже вечная основа самобытно-свободной природы человека, способной к творческому откровению*» [4, с. 92]. Бог не открыл свыше, что он хочет свободного дерзновения в творчестве. Если бы Бог это открыл и запечатлел в священных писменах, то свободное дерзновение было бы уже не нужно и невозможно. Истина о свободном дерзновении в творчестве может быть открыта лишь самим человеком, лишь свободным актом дерзновения человека. В этом сокрыта великая тайна о человеке. Творческая тайна сокровывается человеку и открывается человеком. Это — внутренний процесс в Боге.

«Творчество — не допускается и не оправдывается религией, творчество — само религия» [4, с. 100], — отмечает Бердяев. Творческий опыт — особый религиозный опыт и путь, творческий экстаз — потрясение всего существа человека, выход в иной мир. Творческий опыт также религиозен. Как и молитва. Как и аскеза. Творческий опыт — самобытен, у него свои бездонно глубокие корни, он не произведен.

«Мы стоим перед неизбежностью оправдать себя творчеством, а не оправдать свое творчество» [4, с. 101], — отмечает далее Бердяев. В творческом акте должно быть внутреннее самооправдание, и всякое внешнее его оправдание бессильно и унижительно. Человек оправдывает себя перед творцом не только искуплением, но и творчеством. В тайне творчества открывается бесконечная природа самого человека и осуществляется его высшее назначение.

«Человеческая природа, — подчеркивает Бердяев, — творческая, потому что она есть образ и подобие Бога-Творца... Человеческая природа, сознающая свою самость, свое самостоятельное и свободное бытие, должна вечно существовать лишь как творческая. Творящая человеческая природа окончательно оправдывается перед творцом не своим угашением, а творческим своим выражением. Человек должен абсолютно *быть*» [4, с. 102].

Последнее суждение Бердяева органически переплетается с представлениями современного мыслителя — Эриха Фромма, немецкого социолога, философа, социального психолога, психоаналитика, представителя франкфуртской школы, одного из основателей неопрейдизма и фрейдомарксизма: «Человек не может жить без веры. Решающим для нашего и следующего поколений является вопрос о том, будет ли это иррациональная вера в вождей, машины, успех, — или рациональная вера в человека, основанная на опыте нашей собственной плодотворной деятельности» [13]. В своей работе «Иметь или быть» он также указывает: «Важнейшей предпосылкой для возникновения у человека ориентации на “бытие” (модуса бытия) является свобода и независимость, а также наличие критического разума. Главным признаком такого состояния духа является активность не в смысле деятельности, в смысле внутренней готовности к *продуктивному использованию человеческих потенций*. “Быть” означает давать выражение всем задаткам, талантам и дарованиям, которыми (в большей или меньшей степени) наделен каждый из нас» [12, с. 138].

По мнению Бердяева, человеческая природа, искупленная и спасенная от зла, имеет положи-

тельное человеческое содержание и положительную человеческую задачу. Таким содержанием и задачей может быть лишь творчество. Очищенный, просветленный, творческий экстаз осуществляет назначение человека. Таким образом, антроподицею, т.е. оправдание человека, Бердяев выводит через его творческую деятельность.

Обращаясь к творчеству Н.А. Бердяева, Зеньковский отмечает в нескольких местах своей работы: «...его интересы простирались во все стороны, хотя в основе его очень богатого и разностороннего творчества всегда лежала *моральная* тема... Бердяев всегда учит, наставляет, обличает и зовет, всегда в нем выступает моралист... Романтизм Бердяева окрашен прежде всего моралистически» [9, с. 343–345]. Соотношение творчества и морали предстает у Бердяева в упомянутой книге «Смысл творчества» и в более поздней работе — «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» (1947).

Бердяев в своих размышлениях отрешивается от традиционной христианской морали, считая, что христианская мораль смирения и послушания недостаточна, в ней не все ценности жизни раскрываются. Духовная работа смирения и послушания — лишь моменты пути. Цель, которую должен ставить перед собой человек и все человечество в целом, — творчество новой жизни, потому что христианство, как религия искупления, не выполнило и не выполняет своей миссии — оно не раскрыло и не может раскрыть морального творчества.

«Творчество жизни оправдывают христианской моралью лишь путем безграничного насилия над Евангелием, — пишет Бердяев. — В моральном сознании нового человечества есть творческие ценности, которые не были раскрыты в христианской морали. Эти творческие ценности говорят о восхождении человека, и от них труднее отказаться, чем от опустившегося рационализма, мешающего принять догматы и таинства — от этих ценностей не должно отказываться» [4, с. 226].

Новую творческую мораль нельзя основать на отрывании и противопоставлении человеческого и божественного — в ней открывается серафическая (высшая ангельская. — Т.С.) природа человека. Поэтому путь христианской морали — через жертву к творчеству, через отречение от мира сего и его соблазнительных благ к творчеству мира иного и иной жизни.

В настоящее время человечество, по мысли Бердяева, переживает моральный кризис, который имеет в своей основе положительную тенденцию — в нем прорывается жажда морального

творчества, морали как творчества. «Кризис морализма, — поясняет он, — бунт против закона морального послушания есть также предвращение новой мировой эпохи, эпохи творческой. В жизни моральной, как и в жизни познавательной, художественной, половой, новый человек жаждет творить новую жизнь, а не только нести послушание последствиям греха, не только приспособляться к условиям этого мира» [4, с. 230]. Прежняя мораль, подобно всякому закону, скорей изобличала зло, чем творила высшую правду жизни. Ныне мораль перерастает уже закон послушания, изобличающий зло и приспособляющийся к его условиям. Мораль хочет быть творчеством высшей правды жизни и высшего бытия.

В чем сущность морального кризиса? — задается вопросом мыслитель. Кризис в моральной природе проявляется в противоречии общественной морали, которая следует навязанным стереотипам поведения через следование закону и морали индивидуальной, призванной ставить высшие цели. «Сущность эта (морального кризиса. — Т.С.), — указывает Бердяев, — прежде всего в революционном переходе, от сознания, для которого мораль есть послушание срединно-общему закону, к сознанию, для которого *мораль есть творческая задача индивидуальности...* Но высшая задача человека — творчество новой жизни. Творчество есть проходит через тайну индивидуальности. Творческая мораль не есть исполнение закона, она есть откровение человека. И это откровение человека в моральном творчестве — всегда индивидуально-качественное, а не срединно-общее...» [4, с. 231–232].

Новая творческая мораль должна быть построена на мужественности и на заботе о творческом восхождении. Вечное трусливое дрожание за свою душу, присущее природе религиозного человека прежних времен, унижает его и уничтожает образ Божий в человеке. От ужаса человек готов отказаться от всех творческих ценностей, лишь бы не погибнуть. Как и две морали, Бердяев противопоставляет массовое, нивелированное общинно-общественное творчество неповторимому автономному индивидуальному творчеству. «Всякое понижение ценности, качества, индивидуальности, творчества, — отмечает он, — во имя средне-общинного, количественного, во имя благополучия, устройства и распределения есть грех перед Богом и перед божественным в человеке... И поистине, грядущая в мире творческая мораль, знаменующая великую моральную революцию, — не демократическая, а аристократическая мораль, ибо творчество все в качестве, а не в количестве, в ценности, а не благополучии, в индивидуальном, а

не в средне-общем, в восхождении, а не в распределении, в организме, а не в механизме. Аристократизм — морально-революционен, демократизм — морально-консервативен» [4, с. 233–234].

Дальнейшие рассуждения Бердяева о связи творчества и морали можно свести к следующим положениям:

- бесконечная ценность индивидуальности соединяется с моральным космизмом и универсализмом;
- творческая мораль индивидуальна и космична, в ней творческая энергия индивидуальности переливается в космос, и космос наполняет индивидуальность;
- в творческой морали личное переживается как мировое и мировое как личное;
- творчество — космично, а не хаотично;
- мораль переживает кризис;
- есть два пути выхода из кризиса: устройство «мира» и восхождение из «мира».

Прежняя мораль — мораль послушания выполнила свою миссию, она должна быть преодолена, поскольку в человеке должно совершиться творческое откровение космоса. «Рыцарь свободного духа» (как называли Бердяева друзья и недоброжелатели) указывает, что жизнь в творчестве возможна лишь в Духе: «Только творческая религиозная эпоха приведет к положительному самосознанию человека, освободит от тяжести исключительно отрицательного самосознания. В этике творчества будет вдохновение новой, не бывшей еще жизни. Это — жизнь в Духе. А не в мире, жизнь, духовно свободная от реакций на мир и мирское. Из этики творчества вытекает и новая оценка общественности. Новая творческая жизнь не может двигаться ни вправо, ни влево по линии “мира”, а лишь ввысь и вглубь по линии Духа» [4, с. 239].

Творчество, по Бердяеву, есть создание нового космоса. Творческий акт человеческого духа устремлен к бесконечности, к трансцендентному, которое парадоксально должно быть признано имманентным. Творчество не есть отражение платоновского мира идей в этом чувственном мире, а есть активность свободного духа.

Творчество предполагает материал мира, но оно возвышается над реальностью предметного мира, т.е. из свободы иного «мира». Самое главное идет не от «мира», а от духа. Парадокс творчества состоит в том, что, будучи ноуменальным по своему первоисточнику, оно обнаруживает себя в мире феноменальном. В продуктах творчества просвечивает вечное.

Конкретным механизмом творчества является воображение. Образы художественных творений

ведут реальное существование. «Воображение предоставляет реальный выход из непереносимой реальности». Но ложное воображение, как и сознание, может свергнуть в кошмар.

Творческий экстаз раскрывает мир последней, сокровенной реальности. Прозреается прорывающееся из иного плана мира, то, чего нет в «мире сем», в природной действительности. Творчество человека творит самую жизнь, иной мир. «Природа должна быть очеловечена, освобождена, оживлена и одухотворена человеком. Только человек может расколдовать и оживить природу, так как он сковал и омертвил ее» [4, с. 68].

В творчестве Бог и человек объединяются. Мир есть Богочеловеческое дело. Теургическое творчество приводит к более реальному миру, чем природная действительность. Познавательное отношение в философии всегда считалось приоритетным. Познание — акт дерзновения. Человек меряется своими силами со Вселенной и в акте познания хочет возвыситься над ограниченностью и массивностью мира [4, с. 58].

По Бердяеву, человек познавателью живет в двух мирах: в мире первичном, экзистенциальном, и в мире объективированном, вторичном.

Для философии творчества, отмечает Бердяев, основным является сознание, что человек не находится в законченной и стабилизированной системе бытия, и только потому возможен и понятен творческий акт человека. Другое основное положение заключается в том, что творческий акт человека не есть перегруппировка и перераспределение материи мира и не есть только эманация, истечение первоматерии мира, не есть также лишь оформление материи в смысле наложения на нее идеальных форм. В творческий акт человека привносится новое, небывшее, не заключенное в данном мире, в его составе, прорывающееся из иного плана мира, не из вечно данных идеальных форм, а из свободы, не из темной свободы, а из просветительной свободы.

Творчество человека свидетельствует о принадлежности человека к двум мирам, о призванности человека к царственному положению в мире. Но и самое существование «я» есть уже творческое усилие, творческий синтезирующий акт. Человек творит свою личность и в творчестве выражает свою личность. В самосозидании «я», личности человеческий дух совершает творческий акт синтеза. Нужно творческое усилие духа, чтобы не допустить разложения «я», раздвоения и распада на части личности. Человек не только призван к творчеству как к действию в мире и на мир, но он сам есть творчество и без творчества не имеет лица. Человек есть микрокосм и микро-

теос. Образ человека есть творческое единство. «Человек есть существо, — пишет Бердяев, — преодолевающее себя и преодолевающее мир, в этом его достоинство. Но это преодоление есть творчество. Тайна творчества есть тайна преодоления данной действительности, детерминированности мира, замкнутости его круга. В этом смысле творчество есть трансцендирование... Творчество не есть только придание более совершенной формы этому миру, оно есть также освобождение от тяжести и рабства этого мира. Творчество не может быть лишь творчеством из ничего, оно предполагает материал мира. Но в творчестве есть элемент из “ничего”, т.е. из свободы иного мира. Это значит, что самое главное и самое таинственное, самое творчески новое идет не от “мира”, а от духа» [2, с. 507].

Бердяев представляет человека сотворцом всего сущего наряду с Всевышним. Мир, пишет он, творится не только Богом, но и человеком, он есть Богочеловеческое дело. Творческий акт по природе своей экстатичен, в нем есть выход за пределы, есть трансцензус. Творчество не мирится с данным состоянием мира, оно хочет иного. Творческий акт всегда вызывает образ иного, воображает в себе высшее, лучшее, более прекрасное, чем это, чем данное. Это возникновение образа иного, лучшего, более прекрасного есть таинственная сила в человеке и оно не объяснимо воздействием мировой среды. Творческая фантазия, возникновение образов лучшего имеют основоположное значение в человеческой жизни.

Бердяев подчеркивает экстатический характер творчества, его таинственный смысл. «Творческий экстаз есть выход из времени этого мира, времени исторического и времени космического, он происходит во времени экзистенциальном... Творчество всегда носит индивидуально-личный характер, но в нем человек не один. Человеческое творчество не только человеческое, оно — богочеловеческое. В этом таинственность творчества. В нем происходит трансцензус, в нем разрывается замкнутость человеческого существования. Творческий акт есть акт, совершаемый человеком, и в нем человек чувствует превышающую его силу» [2, с. 509].

В своих философских интуициях Бердяев указывает на неразрывную и, сказать более, взаимодействующую связь свободы и творчества. «Творческий дар благодатный, — пишет философ, — творческая свобода просветленная... Противоречивость и парадоксальность творческого состояния заключается в том, что человек в момент творческого подъема чувствует себя как бы одержимым высшей силой, демоном, и вместе с тем чувствует необыкновенную свободу, воль-

ность. В творчестве, и особенно в искусстве, в поэзии, есть что-то от воспоминания об утерянном рае» [2, с. 510–511].

Творческий акт, по Бердяеву, эсхатологичен, в нем сказывается невозможность довольствоваться этим миром. В нем кончается этот мир и начинается иной мир. Таково всякое творческое состояние человека, хотя бы в нем не создавалось никаких продуктов. Значение творческого состояния для внутренней жизни человека в том, что оно означает преодоление подавленности, приниженности, вызванных тяжестью этого мира, и достижение подъема. Поэтому творчество говорит о преодолении этого мира, преодолении этого бытия, о возможности расковывания его, освобождения и преображения.

Бердяев проводит связь — параллели и различия — творческого художественного процесса с продуктивным воображением в сновидении. «В сновидении возникают образы, — пишет он, — которые не вызываются непосредственно впечатлениями внешнего эмпирического мира, но связаны с тем, что хранилось в глубине подсознательного. Сновидческое состояние не зависит от восприятий и образов чувственного мира в данный момент, но это состояние не активное, а пассивное. Состояние подавлено и почти парализовано. Человек в сновидении может быть совершенно раздавлен прошлым. В творчестве же возникают образы, которые не определяются творческим миром или определяются им через творческое преображение. Но они приносят с собой освобождение от подавленности прошлого, от накопившихся в подсознательном впечатлений и травм, от ранений прошлого... В творчестве всегда действует не только подсознательное, но и сверхсознательное, движение вверх» [2, с. 511–512]. В своих рассуждениях о связи творчества и сновидения Бердяев предвосхищает многое из того, что изучается и предстоит изучить психологам, социологам, философам — всем тем, кому интересны тайны сокровенного человеческого бытия.

По мнению Бердяева, творчество осуществляется по линии восходящей и по линии нисходящей. Восходящая линия — это творческий акт на взлете вверх, к иному миру. Но он встречает затруднение, сопротивление в материи этого мира, в ее «бесформенности, массивности, тяжести, в дурной бесконечности», окружающей со всех сторон творца. Человек как творящий субъект поставлен перед миром объективации (объективным миром), и результаты творческого акта должны войти в этот мир объективации. В этом трагедия творчества, в том, что человек связан условностями этого мира, его стереотипами, навязанными обстоятельствами. В этих рассуждениях Бердяев — полнейший экзи-

стенциалист. Истинное (первичное, как указывает мыслитель) творчество происходит вне объективированного мира, во времени экзистенциальном, в мгновении настоящего, не знает прошлого и будущего. «Творческий акт есть нуменальный, но он создает продукт, принадлежащий феноменальному миру» [2, с. 513].

Дальнейшие рассуждения Бердяева о смысле творчества и его проявлениях можно свести к следующим положениям:

- творящий субъект не может остаться в себе, он должен выйти из себя; этот выход из себя обычно называют воплощением;

- творческий акт устремлен к бесконечному;

- творческий акт есть творческий экстаз, взлет, первичная интуиция, видение иного, открытие, чудесное вызывание образов, великий замысел, великая любовь, притяжение высоты, восхождение в гору, творческий огонь;

- творящий стоит перед Богом, перед тайной, перед первоисточником всякой жизни;

- творчество в то же время есть также обращение к людям, к обществу, к этому миру;

- творчество предполагает влитие в человека Духа, что и называется вдохновением.

- есть две перспективы творческого акта:

- 1) конец этого мира, начало нового мира, и
- 2) усовершенствование укрепление этого мира, перспектива революционно-эсхатологическая и перспектива эволюционно-строительская.

Из всего этого Бердяев делает главный вывод: всякий творческий акт есть акт наступления конца мира, он должен готовить конец этого мира, начало мира иного, преображенного мира — царства Божьего.

В заключение, отмечая сущность философии Бердяева, укажем, что она — человеческая. Мудрость всегда человеческая. Но Бердяев источает особое тепло, умеет возбудить интеллектуальное волнение, сопереживание своим интуициям о судьбе личности, экзистенциальной, бытийственной стороне жизни человека.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к тому, что деятельность человека всегда предполагает не только усвоение социального опыта, накопленного предшествующими поколениями, но и привнесение нового с учетом изменившихся социально-исторических условий, которые предъявляют человеку нестандартные решения сложнейших жизненных задач, что, несомненно, требует творческого подхода, и особенно это важно в настоящее время, когда востребована новая модель экономической деятельности — создание наукоемких технологий и переход к инновационной экономике.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Мое философское мирозерцание // Бердяев Н. О русской философии / сост., вступ. ст., примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. Т. 2, ч. 2. 345 с.
2. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / вступ. ст. и сост. В.Н. Калужного. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 381–566.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство духа и Царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 375 с.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2002. 676 с.
5. Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
6. Блюменкранц М.А. Романтик духа // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: ЭКСМО–Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 624 с.
7. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д: Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
8. Коплтон Ф. История философии XX век / пер. с англ. П.А. Сафронова. М.: Центрополиграф, 2002. 269 с.
9. Малявин С.Н. История русской социально-философской мысли: пособие для вузов. М.: Дрофа, 2003. 256 с.
10. Русская философия: Малый энциклопедический словарь. М.: Наука, 1995. 624 с.
11. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
12. Фромм Э. Иметь или быть: пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Астрель, 2010. 314 с.
13. Эрих Фромм. Биография. URL: <http://fromm.hpsy.ru/biography/> (дата обращения: 23.09.2013).

ONTOLOGICAL BASIS OF CREATIVITY IN DIFFERENT PHILOSOPHICAL SYSTEMS *Timur F. Suleimanov*

*Ufa branch of Moscow State Academy of Water Transport;
275, Akhmetov str., 450017, Republic of Bashkortostan, Russia*

This article is devoted to the problem of creativity. The authors consider it as a form of the person self-realization and in conformity with these problems they investigate a historical and philosophical aspects of the theme First of all, philosophy of creativity of N.A. Berdyaev is considered in the article. The author suggests, that theurgy in the philosophy is explored in context of human freedom, which is basis of being in Berdyaev's philosophy. Any act of creativity, according to Berdyaev, is the act of the end of the world — and the act of the beginning of new world at the same time.

Key words: person; activity; creativity; self-realization; transformation of the human nature; inner potential.